В.С.Мартьянов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ МОДЕРНА: В ПОИСКАХ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО БОЛЬШИНСТВА[1]

Ключевые слова: большинство, Модерн, политический порядок, демократия, легитимация, буржуазия, рабочий класс, средний класс, рентные группы

Онтология большинства и легитимация политического порядка Модерна

Главный политический вопрос Модерна состоит в воспроизводстве легитимного политического порядка как априорного условия реализации других ценностей и целей — свободы, справедливости, равенства, прогресса и т.д. Что способно обеспечить легитимный политический порядок в ситуации посттрадиционного общества, сочетающего капитализм и государство, рынок и демократию, классовое расслоение и гражданское равенство? С помощью каких установок, институтов и коллективных практик модерное общество удерживается от распада? Первым этими вопросами задался Томас Гоббс, для которого политический порядок воплощался в государстве-Левиафане, переводящем людей из естественного состояния войны всех против всех (конфликта партикулярных интересов) в более выгодное для них гражданское состояние. Именно на этом, согласно Гоббсу, и строилась легитимность политического порядка современных ему европейских монархий, выступавших в качестве наи*меньшего зла*. Но постепенное расширение политического класса по мере отмирания сословного Ancien régime и наделения политическими правами все бóльших групп населения потребовало иной, демократической легитимации модерного политического порядка, базировавшейся на представлениях о добровольном *общественном договоре* (Джон Локк) и *общей воле* (Жан-Жак Руссо). Новый политический субъект воплощал признанное значимыми социальными группами *большинство* как скрепляющее ядро общества. Вскоре, однако, выяснилось, что понимание этими группами принципов и условий негласного общественного договора отнюдь не одинаково, а реальное общество существует благодаря сочетанию отдельных элементов различных идеально-типических конструкций общественного договора подданных (Гоббс), граждан (Руссо) или торговцев (Адам Смит). Эти разногласия и групповые предпочтения оформились в виде модерных идеологий и утопий, которые в качестве системы базовых политических координат вытеснили религиозные и сословные самореференции и идентичности.

Модерный политический порядок уже не может быть монопольным достоянием аристократического меньшинства, которое легитимно

[1] *Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФиП УрО РАН №15-19-6-6 «Трансформация морально-политических и правовых регуляторов современного общества: взаимодействие национального и глобального пространств».*

выражало все политическое *целое*, всех проживавших на принадлежащих им землях, хотя большинство населения не имело политического представительства или оно обозначалось лишь символически. Отныне главным легитимирующим основанием политического порядка в условиях правового равенства граждан становится институциональное согласие с волей большинства, впервые в человеческой истории наделенного политическими правами. Возникает проблема эффективности массового коллективного действия и реконструкции государства. Нормативный политический порядок демократии нуждается в легитимации, отсылающей к большинству. Как правило, это не арифметическое большинство граждан, вычисляемое посредством выборных процедур, но некая воображаемая конструкция, призванная морально, экономически, идеологически репрезентировать саму суть общества в лучших его проявлениях. Постоянный внутренний спор значимых политических субъектов о наиболее прогрессивном, релевантном, достойном эквиваленте общества — неустранимый атрибут Модерна. Политическим гегемоном оказывается тот, кто говорит от имени этого динамического большинства, выражает его интересы, опирается на это большинство как на признаваемую коллективным воображением общества социальную группу и через его публичную поддержку обретает высшую степень легитимности. Серьезный вызов для политической мысли представляет то обстоятельство, что в условиях перманентных и стремительных по меркам прошлых эпох перемен структура общества Модерна и соотношение разных социальных групп постоянно меняются в зависимости от целого спектра факторов, таких как технический прогресс, географические открытия, экспансия капитализма, войны, революции и т.д.

С позиций домодерной статичности скорость изменений в обществе Модерна выглядит едва ли не кощунством, и значимые ценностно-институциональные изменения вполне могут произойти при жизни одного поколения. Явленная воочию сконструированность политического порядка побуждает как к более критическому восприятию социальной реальности, так и к производству все новых механизмов ее легитимации. Политическая проблематика смещается в сторону поиска легитимных процедур установления большинства и прояснения политических смыслов и позиций в рамках постоянно корректируемого общественного договора. Такова суть концепции коммуникативного консенсуса Юргена Хабермаса[2]. Однако политическое большинство Модерна не является неизменным и однородным, будучи синтезом или широкой коалицией социальных групп. Это означает, что политический порядок Модерна фактически ежедневно воссоздается и подтверждается множеством социальных интеракций, накапливая различного рода изменения.

[2] *Хабермас 2001.*

За 200 лет сменилось несколько легитимирующих проект Модерна базовых онтологий большинства, определивших эволюционную трансформацию принципов социальной стратификации, социальной

структуры, институтов, поддерживающих социально-политический порядок. Более того, в силу неодновременности развития капиталистической миросистемы очередные волны онтологических изменений в центре миросистемы релевантны и для ее периферии и полупериферии, задавая направление трансформаций, которые ждут их в будущем.

Центр-периферийные отношения воспроизводятся как на глобальном, так и на национальном и регионально-локальном уровнях. Они направлены на поддержание стабильного социально-политического, экономического, культурного порядка, где доминирующие социальные группы определяют ценностный фундамент и способы функционирования общественных институтов. При этом до эпохи Модерна доминирующий класс не только никогда не был онтологическим большинством, но даже не испытывал потребности в опоре на реальное или сконструированное большинство. Его легитимное господство определялось контролем над социальными институтами, эксклюзивным доступом к ресурсам и технологиям. Однако модерная трансформация оснований политического порядка, расширяющая социально-политическую базу доминирующего класса, влечет за собой изменение всей общественной модели, поддерживающих ее институтов и легитимирующих ценностей.

Волна первая: буржуазия как голос нации

Первым большинством политического проекта Модерна было третье сословие, чье политическое усиление и освобождение от иерархии Ancien régime могут рассматриваться как ключевой итог буржуазных революций. В своем знаменитом памфлете «Что такое третье сословие?» Эммануэль Жозеф Сийес высказывал надежду, что третье сословие станет «чем-нибудь»[3], на самом же деле оно стало почти всем, растворив в себе незначительные вкрапления духовенства и дворянства и превратившись в *народ*, *нацию*. Это большинство включало в себя почти все общество, а потому требовало выделения внутри себя более активного, прогрессивного ядра, субъекта, с которым бы отождествлялся новый политический порядок. В качестве этого ядра, не статистического, но идеологического, выступила буржуазия, на время закрепившая за собой роль голоса третьего сословия.

[3] Сийес 2003.

Экономическое влияние буржуазии подспудно росло на протяжении всего позднего Средневековья и раннего капитализма, подкрепляясь кредитной зависимостью европейских монархов и аристократии от банкирских домов, а также политическим влиянием, получаемым через выкупные государственные должности и разнообразные частные привилегии. Централизованные абсолютистские монархии Ancien régime, переформатировавшие политическую карту позднего европейского Средневековья, нуждались в союзе с буржуазией для подавления крупных вассалов, стремившихся к независимости. И хотя доминирующей стороной в этом союзе были именно монархии, постепенно они стали все сильнее зависеть от нового экономического класса, обеспечивавшего

их промышленные, торговые и военные успехи. Тем не менее капиталистическое лицо Европы, сформировавшееся в XVI в., еще достаточно долго сосуществовало с сословно-феодальными политическими формами, традициями и институтами, а также соответствующими критериями социальной стратификации.

Следует особо отметить, что в ходе как Английской (1688—1689 гг.), так и Французской (1789 г.) революции аристократия и буржуазия вовсе не выступали в качестве четко отделенных друг от друга социальных групп, отличаясь значительными взаимными пересечениями. Их очертания во многом зависели от перспективы, в которой «определялась доминантная страта с точки зрения социального статуса или социального класса. Использование того или иного определения создавало значительное различие. Социальная и политическая борьба были реальны, однако для правящих страт это был *внутренний* процесс»[4].

[4] *Валлерстайн 2015: 145.*

Вторым, более массовым направлением усиления влияния третьего сословия было развитие городов и их сетей, когда горожане и городские коммуны постепенно выходили из-под контроля местных феодалов, превращаясь в самостоятельных политических игроков. Более того, на определенном этапе успешные городские сети и союзы автономных городов (Ганзейский союз, Ломбардская лига и др.) рассматривались в качестве реальной политической альтернативы возобладавшим позднее территориальным государствам. Первоначально словом «буржуа» обозначались все постоянные вольные жители городов, но по мере увеличения численности горожан и углубления их социального расслоения к буржуазии начали относить лишь наиболее обеспеченную их часть, принимавшую участие в управлении городом.

Важной причиной выхода на политическую сцену третьего сословия был прогресс военных технологий, создание огнестрельного оружия и появление массовых армий. Просто содержать такие армии элиты уже не могли, поэтому им все больше приходилось прибегать к нематериальным стимулам в форме расширения гражданских и политических прав, тем самым создавая базу для будущих демократий[5].

[5] *Фишман 2011.*

К моменту буржуазных революций третье сословие уже обладало экономической властью (буржуазия) и массовой базой недовольства (крестьяне), требуя признания своего возросшего влияния в политическом поле. Это был период сосуществования сословной и формирующейся классовой стратификации, когда рынок из периферийного явления постепенно превращался в доминирующую модель институциональной организации общественной жизни. Социальная структура раннекапиталистического общества оставалась крестьянской, новые экономические классы составляли лишь ядро будущей социальной реальности. Тем не менее ранний капитализм легитимировал и готовил ценностно-институциональную почву для тотального преобразования аграрно-сословного общества в индустриально-капиталистическое в ходе урбанизации, индустриализации и географической экспансии капиталистических отношений.

После революций буржуазии какое-то время удавалось поддерживать тождество собственных и общественных интересов, выражая интересы новых наций в целом и в логике классического либерализма представляя происходившие изменения как всеобщее освобождение, выгодное всему третьему сословию как легитимному большинству и/или территориальному сообществу граждан. Однако позднее классический либерализм был институционально реализован, превратившись из утопии в политическую повседневность, в привычные коллективные практики. Последующая динамика ценностных, правовых, экономических оснований политического порядка Модерна происходила уже *внутри либерализма* как ценностного фундамента жизненного мира модерного общества.

Третье сословие, ставшее нацией, со временем начало усложняться и подвергаться структурно-функциональной дифференциации. Нарастало общее давление принципов рыночной стратификации, способствовавшее воспроизводству новейших социальных, экономических и политических конфликтов.

Логика отслоения от буржуазии все новых автономных социальных групп перестала поддерживать изначальный негативный либеральный консенсус, связанный с противостоянием Ancien régime. Новый политический порядок обнаружил необходимость постоянного согласования консервативных, либеральных и социалистических версий исходного идеологического консенсуса, за которыми скрывались коллективные интересы новых классов. Экономические противоречия внутри наций стали политически более значимыми, чем базовое гражданское единство новых государств. Одним из следствий такого развития событий явилась инволюция декларированного революцией равенства граждан и новая дифференциация политических прав за счет введения имущественных и иных цензов.

Закономерной политической реакцией буржуазии на усиление альтернативных социальных групп стал нарастающий консерватизм и сближение с еще не раз восстанавливавшимися монархиями, аристократией и новым бюрократическим классом. По ходу развития Модерна ее первоначальная монополия на представительство большинства была разрушена. Выяснилось, что гегемонию могут осуществлять и другие социальные группы. Первой из таких групп оказались *люди труда* (рабочий класс, пролетариат).

Волна вторая: взлет и падение рабочего класса

В период раннего Модерна была создана *трудозависимая экономика*, требующая географической концентрации занятости в расширяющемся товарном производстве. Повышение роли людей труда привело к увеличению вложений в их человеческий капитал и более эгалитарному распределению общественных ресурсов под влиянием широких социальных движений. Ключевой причиной такого поворота стали энергетические революции, сначала угольная, а затем и нефтяная, позволившие

получать неизмеримо большее количество энергии, чем раньше, когда основным источником всех богатств выступала земля. Взрывной рост доступной энергии из земных недр и возможностей ее эффективного использования обусловил переход к социально-экономической модели, при которой источником обогащения становится не только и не столько земля, сколько человеческий труд и технологии: «Современная массовая демократия стала возможной благодаря повышению жизненных стандартов, базирующемуся на принципиально новых объемах потребления энергии <...> Благодаря новому социально-энергетическому метаболизму большинство населения теперь могло концентрироваться в городах, размеры которых более не ограничивались дефицитом энергии и которые более не нуждались в непосредственном соседстве с сельскохозяйственными угодьями»[6].

[6] *Митчелл 2013: 168, 172.*

Становление раннеиндустриального европейского Модерна *эпохи фабричных тр*уб сопровождалось переворотом в социальной онтологии. Появился влиятельный класс наемных рабочих, начавший играть важную роль в использовании новообретенного энергетического потенциала общества. Новая энергетика и технологии создали рабочий класс как политическую силу, с которой пришлось договариваться, что существенно повлияло на сложившийся ранее политический порядок и социальную структуру общества. Консолидация его коллективных интересов через пространственную концентрацию в городах, забастовки, организацию профсоюзного движения и политических партий привела к окончательной деконструкции сословной структуры Ancien régime в пользу современных «машин демократии». Как отмечает Тимоти Митчелл, «несмотря на все препятствия и откаты, рабочий люд индустриального Запада постепенно обрел власть, которая до конца XIX столетия казалась немыслимой»[7].

[7] *Там же: 186.*

В условиях раннеиндустриального капитализма, описанного Карлом Марксом, социальная реальность политического большинства все чаще связывалась с рабочим классом; предполагалось, что он станет политическим гегемоном в новом индустриальном обществе. Однако дальнейшее развитие технологий и растущая автоматизация производства привели к падению удельного веса рабочих в обществе. Прогресс вел к смене технологических укладов, структуры занятости, социальной стратификации. По мере роста производительности труда сначала в сельском хозяйстве, а потом и в промышленности происходило высвобождение множества людей, которые оказывались лишними в системе капиталистического производства. На протяжении всей предшествовавшей истории человечества *лишние люди* обеспечивали экстенсивный рост (внутреннюю колонизацию еще не освоенных земель, захват новых территорий), а при достижении его пределов уничтожались в ходе эпидемий, войн и социальных волнений. Теперь же эти механизмы утратили свою эффективность.

Первый технологический переход Модерна заключался в том, что лишние крестьяне из перенаселенных деревень нашли себе новую

трудовую нишу на заводах и фабриках. Этот переход «деревня—город» стал эпохой бурного роста городов и промышленных предприятий, веком фордизма. Если в 1900 г. в России на сельское хозяйство приходилось 58,6% от общего числа занятых, то в 2011 г. — лишь 9,7%[8]. В США изменения были еще радикальнее: доля занятых в сельском хозяйстве там упала с 41% в 1900 г. до 1,2% в 2011 г. К настоящему времени аграрную революцию пережили уже не только страны центра миросистемы, но и человечество в целом. Число аграриев в мире снизилось с 66,3% в 1900 г. до 35,4% в 2013 г. и будет снижаться и дальше. В 2012 г. вклад сельского хозяйства в глобальный валовой продукт составил 5,9%, промышленности — 30,5%, сферы услуг — 63,6%[9]. То есть каждый занятый в сельском хозяйстве генерировал в среднем в девять раз меньше ВВП, чем занятый в промышленности или сфере услуг.

[8] *Российский 2012: 134.*

[9] *The World s.a.*

Следующий технологический переход связан с ростом производительности и автоматизацией уже самого промышленного труда, глобализацией промышленных цепочек[10]. За последние 150 лет производительность труда в Европе выросла в 20 раз[11]. И хотя мировая занятость в промышленности в XX в. увеличилась (с 13,7% до 18,1%), этот рост базировался на появлении и бурном развитии промышленности в странах периферии и полупериферии, тогда как в центре миросистемы доля рабочих, достигнув в первой половине столетия пиковых значений, в дальнейшем лишь сокращалась. Таким образом, вслед за фундаментальным падением занятости в сельском хозяйстве возникает избыток рабочих в индустрии. Зародившись в центре миросистемы, структурные процессы, сопряженные с техническим прогрессом, с тем или иным временны́м лагом охватывают экономики полупериферии и периферии.

[10] *Коллинз 2009.*

[11] *Шевчук 2007: 47.*

В европейской классовой политике первой половины XX в., отрефлексированной Антонио Грамши и Карлом Мангеймом, Марксов пролетариат реализовал свой прогрессивный потенциал в условиях капитализма, добившись более равномерного распределения прибавочного продукта, но так и не став статистическим большинством. Возникшая под давлением успехов социалистических стран во главе с СССР в ситуации биполярного мира концепция государства всеобщего благосостояния закрепила на Западе новый институциональный компромисс экономических классов — буржуазии и рабочих. Интересы рабочих были удовлетворены эволюционным путем, через проведение кейнсианской экономической политики, расширение политических прав и усиление влияния левых идеологий и движений.

В результате рабочий класс начал дрейфовать по своим доходам в сторону средних слоев, уступив роль главного источника вызовов андерклассу — новым маргиналам, разнообразным меньшинствам и безработным. Пик его мирового могущества, подкрепленного поддержкой социалистического блока, ушел в прошлое. Параллельно усиливались транснациональные корпорации, набирал обороты процесс перевода трудоемких секторов производства на периферию миросистемы.

Конец биполярности закономерно привел к попыткам пересмотреть концепцию государства всеобщего благосостояния. На теоретическом уровне *естественную радикализацию* общественного неравенства легитимировали неолиберальные теории, на онтологическом — практики, названные Кристофером Лэшем *восстанием элит*[12]. Вследствие сокращения численности людей труда и автоматизации производства стала расти дифференциация доходов большинства и меньшинства. Так, в США при удвоении ВВП на душу населения средний реальный доход домохозяйств за последние 25 лет увеличился лишь на 10—15%. При этом «с 1980 по 2010 г. ежегодные чистые доходы 1% наиболее богатых американцев выросли на 200%, а 20% наиболее бедных — только на 48%»[13]. Остроту этой проблемы отчасти снимают прогрессивные шкалы налогообложения, но они не способны решить ее полностью.

[12] *Лэш 2002.*

[13] *Stone et al. 2016.*

Сокращение рабочего класса под влиянием развития технологий, автоматизации производства и роста производительности труда имело два долгосрочных следствия.

Первое следствие — постоянный рост безработицы, прежде всего в развитых странах. Поскольку высокотехнологичные сектора производства уже не требуют массовой занятости, современная рыночная экономика не в состоянии найти приложение вытесняемой из индустриального сектора рабочей силе. Усугубляет ситуацию и выход на рынок труда женщин, все более расширяющийся по мере технологизации домашнего хозяйства (стиральные машины, пылесосы, индустрия быстрой еды и пр.) и воспитания детей (детские сады, школы, кружки). Возникла устойчивая тенденция к повышению *естественной безработицы*, уровень которой прямо зависит от технологического прогресса. Если в 1940-х годах *норма безработицы*, по оценке экономистов, составляла 3—4% рабочей силы, то в 1980-х — уже 6—7%, а в начале XXI в. — 10—15%. Примечательно, что одновременно в наиболее развитых странах (США, Германии, Франции, Японии и др.) шло снижение темпов роста производительности человеческого труда (с 2,3% в 1994—2004 гг. до 1,1% в 2004—2014 гг.)[14].

[14] *Furman 2016: 3.*

Согласно прогнозам, при сохранении существующей динамики к середине нынешнего столетия безработными рискуют стать до 50% трудоспособных жителей наиболее развитых стран. К концу XXI в. роботы и машины могут оказаться эффективнее и дешевле людей в большинстве сфер экономической деятельности, что сведет на нет экономический смысл массового человеческого труда и саму потребность экономики в нем[15]. При этом все очевиднее, что формула «сокращение населения ведет к нехватке рабочих рук» утратила релевантность. Так, США как модельная экономика мира с начала 2000-х годов демонстрируют устойчивый рост ВВП в условиях сокращения количества занятых[16]. Это свидетельствует о сломе традиционной для индустриального Модерна модели, в рамках которой экономический рост и расширение рынков предполагали увеличение количества занятых, неизменно сопровождавшееся повышением производительности труда и доходов

[15] *Frey, Osborne 2013.*

[16] *Rotman 2013.*

трудящегося населения. Эта закономерность действовала на протяжении всей промышленной революции, компенсируя сокращение занятости в сельском хозяйстве. Однако пределы насыщения новых отраслей и рынков, судя по всему, давно достигнуты.

Сразу получить постоянное рабочее место удается лишь меньшинству выпускников европейских вузов. В 2015 г. не имели официальной работы 20,2% трудоспособных жителей Евросоюза до 25 лет. Особенно сложная ситуация сложилась в Испании и Греции, где молодежная безработица достигает 50%, а также в Италии (40%), Хорватии (43%) и Португалии (32%)[17]. В России уровень безработицы среди молодежи составляет 16%, что в три раза выше, чем по трудоспособному населению в целом[18]. Более того, «происходит сужение временны́х рамок, в пределах которых людей нанимают на работу». Невозможность обрести рабочее место в молодые годы в сочетании с вымыванием пожилых рабочих, которым все чаще приходится «„покидать сцену“ задолго до того, как они физически или умственно станут неспособными продолжать свою работу», ведет к тому, что «продуктивная жизнь» начинает занимать лишь меньшую часть жизни биологической[19].

Рост ничем не компенсируемой структурной безработицы является одним из ключевых вызовов рыночному капитализму: «как долго продержится капитализм, если средний класс образца XX в. в следующем столетии будет превращаться из его массовой политической и экономической базы в базу обездоленного недовольства?»[20] В мире возникла критическая масса лишней наемной рабочей силы. Вопреки ожиданиям, постиндустриальные сектора не создают массовых рабочих мест. Так, в конце 1990-х годов Бюро трудовой статистики США прогнозировало, что в течение 1998—2008 гг. на национальном рынке труда появится порядка 2,8 млн рабочих мест в передовых отраслях экономики, таких как программное обеспечение, полупроводники, аэрокосмические технологии, фармацевтика, производство компьютерной техники, научные исследования и т.д. В реальности же к 2008 г. число рабочих мест в этих отраслях не только не выросло, но и сократилось на 68 тыс.[21]. При этом в менее развитых странах занятое население в среднем тратит на труд значительно больше человеко-часов в год, чем в более развитых[22].

Структурная безработица сильнее растет среди социальных групп, не обладающих уникальными трудовыми навыками; ее угроза уже вышла на первое место среди социальных страхов россиян[23]. Рост безработицы обостряет проблемы тех, кто оказался на экономической, культурной, социальной, этнической, языковой или иной периферии[24]. Бывшие рабочие становятся *лишними людьми*. Они больше не могут доказать свою *трудовую полезность*, поэтому отношение к ним стремительно дегуманизируется. Исходно экономические проблемы бедности и безработицы, классового расслоения и сегрегации начинают интерпретироваться доминирующим дискурсом как культурные, этнические, языковые, конфессиональные. Сокращение мер социальной

[17] *http://ec.europa.eu/Eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tesem140&plugin=1.*

[18] *Занятость 2016.*

[19] *Сеннетт 2004: 147—148.*

[20] *Валлерстайн и др. 2015: 10.*

[21] *Mandel 2010.*

[22] *http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=STLABOUR.*

[23] *Общественное 2016: 23.*

[24] *Furman 2016: 5.*

поддержки оправдывается тем, что люди сами ответственны за свою жизнь и ее результаты.

Второе долгосрочное следствие сокращения рабочего класса — снижение вклада труда в производство готовой продукции при росте значения капитала и знания, сопровождающееся снижением доли трудовых доходов в их общем объеме. В США эта доля снизилась с 66% в 1947 г. до 58% в 2011 г.[25], в России — с 74,4% в 1990 г. до 41,6% в 2014 г.[26] Уменьшение зависимости производителей от *людей труда* привело к усилению неравенства в доходах и уровне жизни и ослаблению рабочих партий и профсоюзов. Если «в 1950-е годы членами профсоюзов были более трети американцев, занятых в частном секторе», то «к 2010 г. эта цифра опустилась приблизительно до 7%»[27].

[25] *Коуэн 2015: 54.*

[26] *http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi.*

[27] *Форд 2016: 86—87.*

Такое развитие событий породило еще одну важную тенденцию, которая пока просматривается главным образом в передовых странах, но со временем охватит и остальное человечество. Речь идет о трансформации классовой структуры общества, где основные производящие группы — аграрии и рабочие — даже в совокупности уже не образуют большинства. Снижение численности этих групп и их вклада в общественный продукт не могло не отразиться на их политической роли, что в наиболее последовательном и радикальном виде продемонстрировал советский опыт возвышения и падения рабочего класса: «при советской власти рабочий класс был центральным игроком политической экономии идеологически и практически... С распадом административной экономики и переходом власти от номенклатуры к финансово-торговой буржуазии, сконцентрированной вокруг банков, торговли, мафии и эксплуатации природных ресурсов, промышленность рухнула, рабочий класс стал лишним остатком прошлого»[28]. Значение рабочего класса для демократической легитимации нового порядка заметно сократилось. Индустриальные города, массовые партии, профсоюзы и прочие системные признаки индустриального Модерна размываются, уступая место новой классовой структуре, основания которой отличны от тех отношений труда и капитала, которые были столь важны в раннеиндустриальном обществе.

[28] *Буравой 2009: 10.*

Волна третья: в поисках среднего класса

Капитализм постепенно исчерпал запасные ниши на рынке труда, в которые могли бы мигрировать теряющие работу в результате прогрессирующей автоматизации сначала массового, а затем и интеллектуального производства. С каждым новым витком развития технологий сокращается существенно больше рабочих мест, нежели возникает. Автоматизация постепенно проникает и в сферу услуг, куда на протяжении многих лет перенаправлялась лишняя рабочая сила в странах центра миросистемы (что и позволило им избежать социальных потрясений, предсказанных Марксом). Постиндустриальный технологический сдвиг не оставляет на горизонте массовых трудовых ниш, способных удовлетворить растущий класс безработных, уже привыкших к высоким

стандартам потребления. Соответственно, повышение или простое сохранение уровня жизни людей теперь возможно либо за счет радикального уменьшения их числа, либо за счет увеличения рентной составляющей их доходов.

В результате национальные рынки труда демонстрируют не только долгосрочный сдвиг занятости от производящих секторов в сектор услуг, но и переток ее из рыночных отраслей в нерыночные, прежде всего связанные с государством, чья роль в экономике неуклонно растет. *Возникает ложный круг решения проблемы занятости, все больше превращающий рыночное общество в рентное*.

Сокращение доли аграриев и рабочего класса в социальной структуре общества и падение роли *людей труда* в экономике привели к кризису классовых стратификаций и росту популярности структурно-функциональных концепций, связывающих большинство с понятием среднего класса. Место марксистского разделения труда как критерия стратификации заняли более нейтральные показатели — имущественное положение, идентичность, уровень доходов.

На фоне долгосрочных технологических сдвигов в странах центра миросистемы начали приобретать политическую значимость растущие группы *белых воротничков* — чиновников, менеджеров, фрилансеров и т.п. Структура общества позднего Модерна стала изменяться в пользу онтологической легитимации политического порядка посредством опоры на большинство как механический агрегат многих социальных групп. Это большинство и было объявлено средним классом, к которому теперь причисляли не только мелких лавочников, но и менеджеров, ученых, госслужащих, работников сферы услуг и т.д. Однако теоретические попытки собрать из них нечто единое на базе постиндустриального дискурса не увенчались успехом. Относительно четко выделяемые социальные классы индустриального Модерна сменились группами населения, на место идеологий, выражающих классовые интересы, пришел технократический прагматизм и популизм. Средний класс стал отождествляться с *социальной нормой*, поэтому к нему субъективно относит себя большинство населения, которое в реальности весьма различно по своим доходам, статусу, стилю жизни, возможностям. И поскольку средний класс оказался связан с понятиями нормы и нормального, самоописание в категориях среднего класса есть скорее способ идеологического подтверждения своей нормальности, нежели форма проявления политической субъектности или указание на реальное место в социальной структуре.

В итоге средний класс превратился в настолько общую категорию, что не может восприниматься как деятельное большинство, способное на выработку идеологии. Нельзя считать его и структурным аналогом рабочего класса в ситуации, когда сфера услуг по своему объему начинает превосходить сферу производства, поскольку сфера услуг раздроблена и не обладает такой ресурсной мощью, как производственные монополии прошлого. При более пристальном рассмотрении этот класс

предстает совокупностью жителей все более деиндустриализирующихся городов, находящихся в постоянном бегстве от безработицы.

Естественно, что концепция среднего класса не была и не могла быть нейтральной, во многом выполняя функцию риторической компенсации непрекращающихся конфликтов труда и капитала, все решительнее выходящих за пределы отдельных наций. Подобно буржуазии и рабочему классу, средний класс как онтологическое большинство тоже провозглашал свою прогрессивную миссию, обещая рост возможностей для каждого и обеспечение минимальных стандартов для всех. Первоначально казалось, что новый политический порядок, легитимируемый интересами среднего класса, является устойчивым. Однако государство всеобщего благосостояния, базирующееся на среднем классе, оказалось доступно лишь для обществ центра миросистемы.

Как следствие, мы можем наблюдать воспроизводство социальных утопий, связанных с ожиданиями очередного технологического сдвига к постиндустриальному, информационному, посткапиталистическому и чуть ли не к постматериальному обществу. Но постиндустриальный сегмент экономики строится на закрытых глобальных монополиях, и даже в развитых странах в нем занято лишь незначительное меньшинство[29]. В результате аутсорсинга людям, выполняющим стандартизированные функции, приходится конкурировать со всем *плоским миром*, что ведет к глобальному уравнению оплаты труда в понижающем тренде. Растут доходы лишь тех немногих, кому трудно найти замену ввиду наличия у них уникальных или малораспространенных навыков.

[29] *Мартьянов 2008.*

Наемный труд, который в современных обществах является уделом 70—90% занятых, играет все меньшую роль в экономике и политике. Растущая детерриториализация капитала создает ему преимущества перед локализованным трудом, не обладающим глобальной мобильностью. Взаимозависимость труда и капитала, вынуждавшая их договариваться в рамках нации-государства, ослабла. В условиях глобализации капитала локально размещенный труд теряет значительную часть ресурсов и возможностей для организованной защиты своих интересов. Более эффективными оказываются стратегии, предполагающие не столько выдвижение коллективных требований, сколько индивидуальную адаптацию к глобальному рынку труда посредством внутренней или международной миграции, принципиальной смены рода деятельности, приобретения дополнительных навыков и переобучения, то есть того, что можно назвать погоней труда за капиталом. Однако ниши для перемещения рабочих с мировой периферии в первый мир относительно невелики. В силу материальных факторов, языковых барьеров, въездных квот и иных факторов они доступны лишь немногим.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что средний класс индустриального Модерна слишком поспешно трактовали как идеолого-социологическую прелюдию к другому утопическому большинству — креативному классу, объединяющему лиц интеллектуального труда (менеджеров, людей творческих профессий, самозанятых),

рассматриваемых в теориях постмодерна в качестве авангарда постиндустриального общества, которому со временем суждено стать его большинством. Постиндустриальное, информационное общество — это онтологическое воплощение теорий постмодерна. Соответственно, креативный класс можно определить как новое онтологическое воображаемое концепций постиндустриального общества в условиях деиндустриализации, классового расслоения и ослабления национальных государств. Свойственная этим концепциям социологическая переоценка узких прослоек людей в мировых мегаполисах, которые выдаются за репрезентативный прообраз и саму квинтэссенцию грядущего общества, вызывает серьезную критику, в том числе со стороны их прежних апологетов[30].

[30] *Иноземцев 2011.*

Наличие высокодоходных ниш, связанных с технологиями, финансовыми спекуляциями и элитными брендовыми товарами, не решает проблемы снижения экономического роста, увеличения безработицы и расширения государственных обязательств. В итоге поздний Модерн оказывается *обществом потребителей*, где прирост капитала как базовая цель капитализма все в большей степени обеспечивается интенсификацией рыночных обменов — паллиативным ресурсом роста потребления на уже имеющихся рынках через создание на них новых ниш спроса, а главной стратегией рыночных субъектов становятся попытки повысить объемы потребления, *открыть* новые потребности, требующие удовлетворения новыми видами товаров и услуг. Но подобная возгонка потребления не может быть вечной, особенно на фоне глобальной тенденции к сокращению спроса на труд в результате автоматизации производства и завершения пространственной экспансии капитала.

Таким образом, онтологическая легитимность современного политического порядка, базирующаяся на рыночном капитализме, территории (нация-государство) и проживающих на ней сообществах людей, все больше сталкивается с проблемой ускользающего большинства. Механическая социологическая компиляция, именуемая средним классом, при ближайшем рассмотрении существует не столько в реальности, сколько в легитимирующих эту реальность теориях. Неспособность составляющих этот класс людей действовать в общих интересах подтверждает кризис как категорий описания классово-индустриального Модерна, так и его коллективных практик[31]. Средний класс оказался плохо приспособлен к коллективным политическим действиям, выступая как *молчаливое большинство*, чьи интересы легко игнорировать.

[31] *Бодрийар 2000: 25—26.*

В результате средний класс, который так и не удалось превратить в креативный, все чаще являет свою оборотную сторону, связанную с ростом группы *неустойчиво занятых* — прекариата[32]. В ситуации избыточного предложения рабочей силы новые безработные или частично занятые фактически перестали рассматриваться как резервная армия труда, приобретая характер самостоятельного — и расширяющегося — социального феномена. Как отмечает Зигмунт Бауман, поскольку с определенного момента «инвестиции предполагают сокращение, а не рост

[32] *Стэндинг 2014.*

числа рабочих мест... мы обманываем себя, если надеемся, что промышленность вновь призовет людей, которых она сама сделала лишними»[33]. Прекариат есть прямое порождение глобального капитализма с его гибким рынком труда. Поэтому теория прекариата — это своего рода левый ответ на неолиберальную утопию креативного класса, указывающий на необходимость более универсальных решений проблемы занятости, которые не должны сводиться лишь к апелляции к рыночной саморегуляции и *креативным*, то есть исключительным, качествам отдельных индивидов.

[33] Бауман 2005: 92—93.

Постоянный режим смены деятельности, сопряженный с приобретением бесполезных в дальнейшем трудовых навыков, ведет лишь к распылению времени и усилий прекариата. Гибкий рынок труда способствует развитию теневой занятости, деинституционализируя отношения работника и работодателя. Его отличительной чертой является фундаментальная ненадежность для работников, которые лишаются трудовых прав и гарантий сохранения работы в будущем. Вне зависимости от размера оплаты труда «прекариат нельзя отнести к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалованья, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса»[34]. Соответственно, можно предположить, что при ухудшении глобальной экономический ситуации именно он станет слабым звеном новой социальной структуры, которому будет *нечего терять* в сложившемся экономическом порядке. И хотя прекариат — лишь одна из протополитических сил капиталистической миросистемы, это потенциально расширяющийся политический субъект, который в перспективе может оказать существенное влияние на изменение модели капитализма и дальнейшую трансформацию социальной структуры обществ Модерна.

[34] Стэндинг 2014: 19.

Волна четвертая: контуры рентозависимого класса

При достижении пределов рыночной саморегуляции государству становится выгоднее содержать безработных за счет социальных пособий, обеспечивая им роль пассивных потребителей, нежели создавать новые рабочие места. Эти места все чаще оказываются бессмысленными и бесполезными, напрямую противореча рыночному капитализму[35]. Необходимость постоянного снижения издержек как непременного условия конкурентоспособности в *плоском мире* оставляет постиндустриальному миру шанс лишь в *заповедниках высоких технологий*, не делающих погоды на массовом рынке труда. Постиндустриальная экономика создает высокооплачиваемую занятость, но только в чрезвычайно узкой сфере, предполагающей решение нестандартных, творческих задач, либо в сфере услуг, где требуются человеческое отношение и эмпатия, пока неподдающиеся роботизации.

[35] Грэбер 2014: 150—155.

Рост рентозависимого класса — ключевая политическая проблема для правящих элит, пытающихся сохранить рыночный порядок путем его неолиберальной перенастройки и корректировки. Присутствие

и влияние праздного класса, особенно его малообеспеченных слоев, наиболее заметны в крупных мегаполисах. Территориально он сосредоточен там же, где осуществляется координация и управление ресурсными потоками разных уровней, поэтому с ним приходится считаться. Запрос на власть, открывающую путь к участию в определении своей и общей судьбы, и демократию как механизм расширения на все общество прав и возможностей элит исходит именно от этих рентных групп.

С появлением рентного большинства возрастает значимость территориально организованного государства как источника и инструмента распределения ренты и демократии как способа легитимации этого распределения. Соотношение труда и рентных механизмов в воспроизводстве общественного богатства смещается в пользу последних. Экономическая и военная ценность основной массы населения непрерывно падает — для производства и обороны нужно все меньше людей, которых успешно заменяют роботы и технологии.

В миросистеме усиливается неравномерность развития, обусловленная тем, что посредством таких механизмов, как военное насилие, политическое влияние, перераспределение доходов, монополизация рынков, вытеснение конкурентов и т.п., ресурсы для развития одних городов, стран, регионов и сегментов общества все решительнее изымаются у других, более слабых. Модель конкуренции на свободных и растущих рынках, нацеленная на эскалацию прибылей и потребностей, исторически себя исчерпала; начинает развиваться рентная модель капитализма, сопряженная с приостановкой роста мнимых потребностей при гарантированном минимуме дохода для всех как условии сохранения общества, которому для экономического воспроизводства уже не нужно большинство его членов. На фоне провалов неолиберализма как последней попытки вдохнуть жизнь в рыночный капитализм путем радикального освобождения от внеэкономических ограничений набирают силу рентно-сословные принципы социальной иерархии и распределения ресурсных потоков: «эксплуатация одного класса другим связана сегодня уже не только и даже, возможно, не столько с процессом производства, сколько с контролем за процессами доступа к приносящим дополнительные ренты активам, обеспечивающим устойчивость монопольных рент»[36].

[36] *Тихонова 2014: 283.*

В условиях кризиса бюрократизированной системы пенсий, льгот, субсидий и пособий социального государства, которые все чаще превращаются в экономическую фикцию, не стоящую необходимого для подтверждения права на них труда, все больший интерес вызывает концепция гарантированного базового дохода, способного обеспечить не только физиологический минимум выживания, но и стартовые возможности для самореализации и социального развития человека[37]. Согласно социологическим опросам, идею безусловного базового дохода, заменяющего прочие социальные выплаты, поддерживают 64% европейцев (при том что отказаться от текущей занятости в пользу БОД готовы только 4%)[38]. Концепция базового дохода выходит за пределы капитализма

[37] *http://www.basicincome.org/bien/.*

[38] *What 2016.*

и порождаемого им взгляда на общество в целом, задействуя не только экономические, но и моральные, правовые и политические регуляторы общественной жизни. Фактически речь идет о ренте для каждого с учетом той максимы, что «человеческие качества общества следовало бы измерять качеством жизни его самых слабых членов»[39].

[39] *Бауман 2005: 98.*

Все более расширяющийся субсидируемый государством класс с его рентоориентированным поведением фактически и составляет контуры нового большинства. Теоретически можно допустить, что высокотехнологичное производство и монополия на глобальных рынках позволят работающему меньшинству обеспечивать вынужденно праздное большинство. Однако вероятность такого развития событий чрезвычайно мала и если и существует, то исключительно для стран центра миросистемы.

Заключение: лишнее большинство?

Рост рентозависимого класса является лишь частью более общей проблемы, с которой столкнулся глобальный мир. Трансформация индустриального общества, построенного на ценностях прогресса и сакрализации труда, влечет за собой серьезные изменения в социальной структуре модерных обществ и их теоретико-идеологических представлениях о себе, порождая целый ряд вопросов. Как и в каком направлении будут эволюционировать глобальный рынок труда и занятость населения? Будут ли появляться и расширяться новые сферы экономики, либо рост безработицы приобретет долгосрочный характер, и сокращение рабочих мест будет неизменно превалировать над созданием новых? Каким образом будут меняться условия жизни *людей труда* в ситуации, когда рыночный капитализм обнаружил свои пределы в качестве социального регулятора, не обеспечивая новых рабочих мест?

Прогресс предполагает, что для производства все большего количества товаров, услуг и стоимости *в любой сфере* экономики требуется все меньшее количество людей. Парадокс в том, что постиндустриальные общества воспроизводят тенденции, характерные для сырьевых обществ. Эти тенденции связаны с радикализацией общественного неравенства. Если в одном случае она определяется отношением социальных групп к механизмам распределения сырьевой ренты, то в другом — отсутствием доступа большинства к ренте с постиндустриальных сегментов глобальной экономики, которые не нуждаются в массовой занятости. И в том, и в другом случае это приводит к разрастанию слоя *лишних людей*, нелояльных существующему политическому порядку. При этом впервые в истории Модерна политическая роль нового — рентозависимого — большинства и его возможности по изменению общества не растут, а сокращаются. Закономерным следствием экстрактивного, ограничительного характера сырьевой и постиндустриальной экономик является кризис демократических политических институтов, ориентированных на реализацию интересов большинства.

Представляется, что значимость разнообразных внеэкономических и внерыночных субъектов и регуляторов в производстве и глобальном распределении общественных ресурсов будет усиливаться, причем вариативность соответствующих механизмов, особенно применительно к большинству, может оказаться весьма высокой. Очередная технологическая революция ведет к фундаментальной коррекции социально-экономической структуры общества. Средние слои истончаются, а высший и низший классы решительно отдаляются друг от друга и в экономическом, и в ценностном плане. Из этой ситуации возможны два выхода. Первый из них заключается в конструировании нового консенсуса относительно большинства, способного сгладить постиндустриальные классовые противоречия, второй — в обосновании новых (или воскрешении старых) немодерных политических ценностей, согласно которым постиндустриальные общества все меньше нуждаются в привычных демократических процедурах, связанных с выявлением воли большинства, утрачивающего свое значение в политико-экономическом воспроизводстве общества.

Политические элиты все активнее апеллируют к таким трансцендентным категориям, как патриотизм, нация, история, государство, народ, пытаясь доказать, что для прямого подключения к коллективному бессознательному, народным чаяниям, воле большинства или *политическому целому* им уже не требуется ненадежная эмпирическая верификация посредством системного и внесистемного массового политического участия. Функция представительства большинства сама по себе не означает тождества с этим большинством. В результате *большинство* деонтологизируется и фрагментируется, снова превращаясь в чисто риторическую фигуру и политический символ. Более того, обнаруживается, что демократия постоянно отражает линии непреодолимых идеологических расколов позднемодерных обществ, с которыми последним все труднее справляться в условиях, когда привычная онтологическая и идеологическая гегемония большинства трансформируется в новое политическое состояние *лишнего большинства*. Как следствие, элитарное меньшинство *представителей* во властно-публичном пространстве вновь становится достаточным и легитимным воплощением отсутствующего de facto единства, каковым оно, собственно, и было на заре модерной демократии: «великолепным примером такого переноса служит американская Конституция, которая открывается гордыми словами „We the people... “ и завершается... 39 подписями»[40]. В будущем, вероятнее всего, восторжествует именно последний вариант, воскрешающий сословность, внеэкономическую стратификацию общества и недемократическую легитимацию политического порядка, не связанную с сакральным для Модерна концептом большинства.

[40] *Каспэ 2016: 9.*

Менее вероятным вариантом развития событий является осознание рентозависимым большинством своей нарастающей политической зависимости и бессубъектности, которое трансформируется не столько

в поиски более достойного места в нынешнем обществе (такого места в его структуре уже нет), сколько в преобразование всего политического порядка *сервисного*, или *рентного*, капитализма. Новые классы конструируются посредством политических утопий, в которых обосновывается их *иное общее будущее*. Это то большинство, которое рано или поздно захочет не частичного *ремонта общества* или *ренты в обмен на лояльность* (так как в глобальном масштабе большинству все равно ничего не дадут), а совсем другого общества, в котором оно получит шанс превратиться из фиктивного в реальное и вновь стать творцом своей судьбы.

Библиография

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. — М.

Бодрийар Ж. 2000. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. — Екатеринбург.

Буравой М. 2009. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // *Социологические исследования*. № 9.

Валлерстайн И. 2015. *Мир-система Модерна. Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600—1750 гг.* — М.

Валлерстайн И. и др. 2015. *Есть ли будущее у капитализма?* — М.

Грэбер Д. 2014. *Фрагменты анархистской антропологии*. — М.

Занятость *и безработица в РФ в декабре 2015 г.* 2016 (http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/16.htm).

Иноземцев В. 2011. Воссоздание индустриального мира // *Россия в глобальной политике*. № 6.

Каспэ С.И. 2016. Пустое место: демократия как политическая форма // *Полития*. № 2.

Коллинз Р. 2009. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики // *Прогнозис*. № 2.

Коуэн Т. 2015. *Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации*. — М.

Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии*. — М.

Мартьянов В.С. 2008. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // *Логос*. № 1.

Митчелл Т. 2013. Машины демократии // *Неприкосновенный запас*. № 2.

Общественное *мнение — 2015*. 2016. — М.

Российский *статистический ежегодник*. 2012. — М.

Сеннетт Р. 2004. *Коррозия характера*. — Новосибирск.

Сийес Э.-Ж. 2003. Что такое третье сословие? // *Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту*. — СПб.

Стэндинг Г. 2014. *Прекариат: Новый опасный класс*. — М.

Тихонова Н. Е. 2014. *Социальная структура России: теории и реальность*. — М.

Фишман Л.Г. 2011 *Происхождение демократии («Бог» из военной машины)*. — Екатеринбург.

Форд М. 2016. *Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы*. — М.

Хабермас Ю. 2001. *Вовлечение другого: Очерки политической теории*. — СПб.

Шевчук А.В. 2007. О будущем труда и будущем без труда // *Общественные науки и современность*. № 3.

Frey C., Osborne M. 2013. *The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?* (http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf).

Furman J. 2016. *Is This Time Different? The Opportunities and Challenges of Artificial Intelligence* (https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/page/files/20160707_cea_ai_furman.pdf).

Mandel M. 2010. *Global Innovation and Jobs* (http://www.newschool.edu/scepa/conferences/2010/US%20Corporation/coporation%20slides/mandel%20final.pdf).

Rotman D. 2013. *How Technology Is Destroying Jobs* (http://www.technologyreview.com/featuredstory/515926/).

Stone Ch., Trisi D., Sherman A., Horton E. 2016. *A Guide to Statistics on Historical Trends in Income Inequality* (http://www.cbpp.org/cms/index.cfm?fa=view&id=3629).

The World *Factbook* (https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html).

What *Do Europeans Think about Basic Income?* 2016 (http://www.basicincome.org/bien/http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf).

References

Baudrillard J. 2000. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo*. — Ekaterinburg.

Bauman Z. 2005. *Individualizirovannoe obshhestvo*. — M.

Burawoy M. 2009. Tranzit bez transformacii: involjucija Rossii k kapitalizmu // *Sociologicheskie issledovanija*. № 9.

Collins R. 2009. Tehnologicheskij sdvig i kapitalisticheskie krizisy: vyhody i tupiki // *Prognozis*. № 2.

Cowen T. 2015. *Srednego bolee ne dano: Kak vyjti iz jepohi Velikoj stagnacii*. — M.

Fishman L.G. 2011 *Proishozhdenie demokratii («Bog» iz voennoj mashiny)*. — Ekaterinburg.

Ford M. 2016. *Roboty nastupajut: Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty*. — M.

Frey C., Osborne M. 2013. *The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?* (http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf).

Furman J. 2016. *Is This Time Different? The Opportunities and Challenges of Artificial Intelligence* (https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/page/files/20160707_cea_ai_furman.pdf).

Graeber D. 2014. *Fragmenty anarhistskoj antropologii*. — M.

Habermas J. 2001. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoj teorii*. — SPb.

Inozemcev V. 2011. Vossozdanie industrial'nogo mira // *Rossija v global'noj politike*. № 6.

Kaspe S.I. 2016. Pustoe mesto: demokratija kak politicheskaja forma // *Politeia*. № 2.

Lasch C. 2002. *Vosstanie jelit i predatel'stvo demokratii*. — M.

Mandel M. 2010. *Global Innovation and Jobs* (http://www.newschool.edu/scepa/conferences/2010/US%20Corporation/coporation%20slides/mandel%20final.pdf).

Martianov V.S. 2008. Postindustrial'noe obshhestvo dlja Rossii: mif, teorija, real'naja perspektiva? // *Logos*. № 1.

Mitchell T. 2013. Mashiny demokratii // *Neprikosnovennyj zapas*. № 2.

Obshhestvennoe *mnenie — 2015*. 2016. — M.

Rossijskij *statisticheskij ezhegodnik*. 2012. — M.

Rotman D. 2013. *How Technology Is Destroying Jobs* (http://www.technologyreview.com/featuredstory/515926/).

Sennett R. 2004. *Korrozija haraktera*. — Novosibirsk.

Shevchuk A.V. 2007. O budushhem truda i budushhem bez truda // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 3.

Sieyes E.-J. 2003. Chto takoe tret'e soslovie? // *Abbat Sieyes: ot Bourbonov k Bonapartu*. — SPb.

Standing G. 2014. *Prekariat: Novyj opasnyj klass*. — M.

Stone Ch., Trisi D., Sherman A., Horton E. 2016. *A Guide to Statistics on Historical Trends in Income Inequality* (http://www.cbpp.org/cms/index.cfm?fa=view&id=3629).

The World *Factbook* (https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html).

Tihonova N.E. 2014. *Socia'naja struktura Rossii: teorii i real'nost'*. — M.

Wallerstein I. 2015. *Mir-sistema Moderna. T. II: Merkantilizm i konsolidacija evropejskogo mira-jekonomiki, 1600—1750 gg.* — M.

Wallerstein I. i dr. 2015. *Est' li budushhee u kapitalizma?* — M.

What *Do Europeans Think about Basic Income?* 2016 (http://www.basicincome.org/bien/http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf).

Zanjatost' *i bezrabotica v RF v dekabre 2015 g.* 2016. (http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/16.htm).